

УДК 398.22 (=512.157)

Satanar M.T., MA student, North-Eastern Federal University n.a. M.K. Ammosov (Yakutsk, Russia), E-mail: msatanar@gmail.com
Illarionov V.V., Doctor of Sciences (Philology), North-Eastern Federal University n.a. M.K. Ammosov (Yakutsk, Russia),
 E-mail: 445325@mail.ru

SACRED SYMBOLS OF AN EPIC NUMERAL “FOUR” IN THE YAKUT HEROIC OLONKHO EPOS. Nowadays we need more systematic approach and comprehensive view on the language of folklore, which remains one of the least studied spheres of Yakut folk tradition. Among expressive linguistic means of folklore tradition numerals are distinguished due to their wide use and specific nature. In olonkho, the numeral *түөрт* (tyort) that stands for *four* can be both, information and code, and has two levels of meaning: at superficial and deep level. While the first level carries descriptive functions, in the given article we will focus on the second, deeper level of numeral *түөрт*, which possesses sacral information. Our scientific interest in this theme is explained by the fact that numerals are one of the main mythological constituents of human cognition and by insufficient investigation of sacral symbolism of the numeral in question. We will attempt to provide semiotic and structural analysis of this epic numeral, which reflects archaic worldview concepts and linguistic consciousness of the Yakut people that could be rich material for research, having importance for the study of spiritual culture of Sakha people.

Key words: numeral *түөрт*, sanctity, symbolism, archaic stratum of lexis, space, time, cosmology, semiotic code, structural analysis, rituals, customs.

M.T. Satanar, магистрант, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск,
 E-mail: msatanar@gmail.com

V.V. Илларионов, д-р филол. наук, Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, г. Якутск,
 E-mail: 445325@mail.ru

САКРАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ЭПИЧЕСКОГО ЧИСЛИТЕЛЬНОГО «ЧЕТЫРЕ»

Сегодня необходим широкий взгляд, системное отношение к языку фольклора. Язык олонхо продолжает оставаться одной из наименее изученных сторон якутского фольклора. Среди выразительных языковых средств народной поэтики широтой и яркостью применения выделяются имена числительные. Числительное *түөрт* ‘четыре’ в олонхо, играет роль и сообщения, и кода, имея два уровня смысла: поверхностный и глубинный. Поверхностный уровень носит описательный характер. Мы же разберем глубинный уровень смысла числительного *түөрт* ‘четыре’, передающий информацию сакрального характера. Наше обращение к указанной теме объясняется интересом к числу, как одному из важнейших мифов человеческого мышления, также недостаточностью освещения сакральной символики исследуемого числительного. В данной статье предпринята попытка семиотико-структурного анализа эпического числительного *түөрт* ‘четыре’, отражающая древнейшие мировоззренческие установки и языковое сознание народа, которые в свою очередь могли бы выступить благодатным материалом для исследования, имея важное значение для изучения духовной культуры якутского народа.

Ключевые слова: число *түөрт* ‘четыре’, числительное *түөрт* ‘четыре’, сакральность, символика, архаичный пласт лексики, пространство, время, космология, семиотический код, структурный анализ, ритуалы, обряды.

Символы играют роль специфических единиц мышления, обладают промежуточным логическим статусом между конкретно-чувственными образами и абстрактными понятиями [1, с. 127; 2, с. 12]. В символах представлен в сгущенном виде коллективный опыт народа. Мифологическое мышление, хотя оно и привязано к образам, может быть обобщающим и, следовательно, научным. В древнейших синкретических формах фольклора исследователи справедливо видят зачатки того, что позже в системе развитых и дифференцированных культур становится наукой, литературой, религией [1, с. 129 – 130; 3, с. 616]. Е.М. Мелетинский отмечает особую «полноту» мифологического мышления за счет включения эмоционально-интуитивного начала [4, с. 167]. Эпические формулы, передавая в сжатом виде народный опыт и сакральные знания, являются мощным средством компрессии информации, которая возможна благодаря емкости значения ключевых слов.

Символика чисел занимает далеко не последнее место в более глубоком осмыслении текста олонхо. Так, использование числительных в произведениях устного народного творчества интересовало многих отечественных и зарубежных исследователей. Еще в 19 веке А.А. Потебня заметил особенность функционирования числительных в украинском фольклоре [5, с. 423]. Числительные в устном народном творчестве исследовали немецкие, болгарские слависты, русские учёные А.Т. Хроленко, О.А. Давыдова, Т.А. Новичкова, С.П. Праведников. Числительные становились объектом изучения узбекского, татарского, башкирского языков, хакасского, якутского, калмыцкого, монгольского эпосов. Что касается якутского олонхо, исследователь Л.Л. Габышева выявила классификацию числительных внутри пространственно-временного цветового континуума [6; 7]. А.В. Кудияровым на материале эпоса «Кулун Куллуустуур» была рассмотрена эпическая универсалия – хронотоп [8]. В монографии Е.И. Избековой впервые проведен количественный анализ функционирования числительных в олонхо, числительные исследованы в культурно-этнографическом контексте, описаны как лингвофольклорный феномен, установлена мифологическая сакральная символика эпических числительных, выявлены не-

которые закономерности в семантике эпических числительных [9].

Что же касается числительного *түөрт* ‘четыре’, как отмечено в монографии Е.И. Избековой, по итогам количественного анализа употребления имен числительных, в рассмотренных восьми наиболее ранних текстах олонхо [9, с. 13], по частоте употребления числительное *түөрт* ‘четыре’ – зафиксировано 126 раз (4,35%), *түөрт уон түөрт* ‘сорок четыре’ – 27 раз, *түөрт уон ‘сорок’* – 11 раз. В олонхо наиболее частотными числительными выявлены *ус ‘три’* (21,85%), *тобус ‘девять’* (18,42%), *абыс ‘восемь’* (15,39%), *икки ‘два’* (9,08%), *сэттэ ‘семь’* (7,09%), *биир ‘один’* (7,95%). Интересно, что числительное 4 наиболее активно функционирует в фольклорных произведениях узбекского, калмыцкого, монгольского, народов и в былинах. Мы не будем подробнее рассматривать функциональные особенности, способы использования числительного *түөрт* ‘четыре’ (подробнее они описаны в солидной монографии Е.И. Избековой “Числительные в олонхо: структура и семантика” [9]). Нас интересует вопрос: почему сакральное числительное *түөрт* ‘четыре’ с компактно “заархивированной” космологической информацией, не предпочтено в употреблении у якутского народа? В чём заключается внутренняя смысловая нагрузка числительного *түөрт* ‘четыре’?

С глубокой древности числа играют важную роль в жизни человека. Древние люди приписывали им особые свойства. Во многих культурах, особенно в вавилонской, индуистской, пифагорейской, число является началом вещей. Число ‘четыре’ соответствует символу единства и целостности мироздания и его отдельных материальных и духовных проявлений. С ним связано горизонтальное освоение окружающего пространства. “Индейцы Дакота отличались особой расположенностью к числу ‘четыре’ [10, с. 257]. Буддисты преклонялись перед богами четырех сторон света, “на востоке находится белоснежный Елхор Сүрэн; на юге – синеватый Пагжиба Бурхан; на западе – краснолиций Тэнгри Лусууда Жамнайзан; на севере желтый бог благоденствия Намсарай” (Б.Дашиев). В оккультизме «альфа и гамма всего» считается «великий закон четырех», а его геометрический эквивалент – квадрат – «знаком священной книги Таро» [11, с. 41].

Пифагор указал, что в основе нашей Вселенной лежат законы, которые управляют реализацией всех проявлений жизни, что основа всех процессов, происходящих во Вселенной – математическая и представлена она числами и геометрией, утверждая, что «...все вещи можно представить в виде чисел» [12]. Аристотель называл число началом и сущностью вещей, их взаимодействием и состоянием [13]. Воплощаясь в физическом плане и приобретая форму, числа становятся фигурами: 1 – точка; 2 – линия или угол; 3 – треугольник в плоскости; 4 – квадрат в объеме. Число 4 – квадрат в объеме, отражает геометрическую модель нашего материального мира на основе разрешимости зрительно-пространственного восприятия окружающего мира человеческим глазом в трех измерениях.

Четыре – важнейшая космологическая константа, число стабильности, неподвижности, в нем нет динамики. С одной стороны – это универсальное число, вытекающее из общей десятичной системы счисления, с другой – отражение кватеральной структуры мира. Особое значение числу четыре придавал К.Г. Юнг [14], считавший его главной символической основой целостности мира и человека. В окружающей нас природе все подчинено закону уравновешенности, то на языке чисел четыре означает саму природу. Главным смыслом числа четыре является равновесие, как необходимое условие существования и процветания материального мира. Ведь не случайно современные технические достижения человечества базируются в своей теоретической основе на математических равенствах. Человеку, являющейся маленькой копией мироздания, свойственно стремиться к совершенству. А совершенство есть равновесие.

Четыре образует идеально устойчивую структуру, что отразилось в мифах о сотворении мира и ориентации в нем [14]. Устойчивость подтверждается четностью. Являясь числом порядка, четыре имеет власть над пространством и временем. Четыре стороны света (восток, юг, запад, север), четыре стихии (вода, огонь, воздух, земля), четыре фазы Луны. Четырехчленность пространства распространяется и на время: в истории человечества существует четыре века (Золотой, Серебряный, Бронзовый, Железный), жизнь человека делится на четыре периода (детство, молодость, зрелость, старость), число четыре делит время на большие шкалы (год, месяц, неделя, день), и на малые шкалы (сутки, час, минута, секунда), год дробится на четыре сезона (лето, осень, зима, весна), сутки дробятся на утро, день, вечер, ночь (в соответствии с солнечным циклом).

По мнению В.Н. Топорова, «Число и счет» были сакрализованными средствами ориентации и космозации Вселенной [15, с. 52]. З.А. Кучукова пишет «число в тексте имеет ярко выраженную семантическую нагрузку, мотивированную мифопоэтической «прапамятью» числа» [16, с. 228]. В якутском эпосе число четыре главным образом отражает представления, связанные с количественно-пространственным освоением мира и Вселенной, представления о гармонии, упорядоченности, пропорциональности пространства, как геометрия форм, лежащих в основе жизни. У якутов имя числительное *түөрт* 'четыре' связано с горизонтальным членением пространства. Горизонтальное описание имеет признак четности [7, с. 78 – 92]. В эпическое пространство входят гигантские расстояния, преодолеваемые героями в течении четырех сезонов года. Стороны света уподоблены жилищу человека, которое является метафорой мифологического космоса. Сходные понятия есть у родственных тюрков в свете алтайской лингвистической теории, к примеру, у японцев «8 углов мира (под одной крышей)», у чувашей «восьмиугольная Вселенная» [17]. Числительное *түөрт уон* 'сорок' и *түөрт уон түөрт* 'сорок четыре' показывают множество, являющиеся постоянным компонентом сложного эпитета, выражающего эпическую ночь [9, с. 100]. Также исследователями отмечается, что число четыре входит в состав названия Нижнего мира: *нэс түөртүгэн* 'медлительная преисподняя'. Составное слово *түөртүгэн* исследователи переводят как 'четыре пропасти (бездны)' [7].

Числительное – слово, выражающее число [18, с. 27 – 28]. Следует прояснить соотношение терминов «число» и «числительное». Именно последний является языковой репрезентацией числа и имеет свои особенности [19, с. 15]. При рассмотрении числительного *түөрт* 'четыре' с содержательной стороны, необходимо рассмотрение самого термина слова *түөрт* 'четыре'. «Язык возник значительно раньше формально-логического мышления, а возникновение чисел и числительных относится к начальному этапу зарождения формально-логического мышления. Наименования чисел до десяти обычно имеют одинаковые корни во многих семьях языков. Они являются наиболее древ-

ними названиями» – считает Р.П. Игнаева [20, с. 12]. Некоторые исследователи утверждают, что основа якутского языка отделилась от тюркского ядра в древности, развивалась обособленно и была менее подвержена эволюционному развитию. Тувинский *дэрт* 'четыре', татарский *дүрт* 'четыре', киргизский *төрт* 'четыре', карачаево-балкарский *тёрт* 'четыре', кумыкский *дёрт* 'четыре', казахский *төрт* 'четыре', турецкий *дэрт* 'четыре', алтайский *тёрт* 'четыре' и т.д. – везде прослеживается сходство произношения четко указывая на то, что термин числительного *түөрт* 'четыре' составляет лексику тюркского происхождения и является устойчивым показателем. Таким образом, можно констатировать, что термин числительного *түөрт* 'четыре' носит архаичный характер.

Консервирующий в себе архаические элементы мировоззрения, язык служит одним из богатых и надежных источников для реконструкции, лишенных письменных свидетельств форм человеческой культуры. Слово, в котором спрессована тысячелетняя память народа, играет особую роль в механизме передачи культурного опыта от поколения к поколению. Язык является мощным фактором формирования культурных кодов, и роль его состоит не только в передаче информации, но и внутренней организации того, что подлежит сообщению.

С целью адекватного и объективного восприятия функционирования исследуемого числительного *түөрт* 'четыре' используем семиотико-структурный анализ. Данный анализ подходит для понятий, устойчивых к изменению во времени. Структурный подход предполагает выделение и описание элементов структуры с учётом взаимосвязей между этими элементами. При таком рассмотрении структура отражает внутреннюю форму организации системы. Число являясь культурным кодом, рассматривается как текст, содержащий сообщения. Структурализм выявит в тексте напластование других. Этот метод успешно использовал К. Леви-Стросс в этнографических и антропологических исследованиях [21, 22]. Метод использовал Р. Барт [23, 24], рассматривая языковую структуру как семиотическое явление, в которой обнаруживается «социология». Ж. Лакан распространил идеи структурализма на психоанализ, а М. Фуко развивал эти установки на материале истории идей. В нашем случае семиотический аспект расширяет исследовательские стратегии.

Числительное *түөрт* 'четыре' представляет большой интерес как особый пласт, хранилище связи представлений о мире, мироздании, объективируя скрытые «семы», позволяющие увидеть за каждым словом пласт мифологии, истории, и вытекающей отсюда быт наших предков. Модель структуры концепта *түөрт* 'четыре' – *Түөрэннээбэт түөрт төрдө*, что в переводе на русский означает 'Устойчивая причина начал'. Логический концепт *түөрт* – устойчивость, обуславливает направленность сакрализации числительного. Через структуру просвечивается смысл, отражающая глобальное видение мира. Таким образом, слово выступает не только как элемент лексико-семантической системы, но и как элемент культуры, миф (А. Потебня), ритуал (М. Маковский). Из вышеприведенных материалов видно, что данное объяснение не противоречит, а напротив, совпадает с научным моделированием мироустройства. По своей значимости и силе скрытый потенциал числительного *түөрт* не уступает, а даже больше – превышает потенциал других числительных.

Причина, почему числительное *түөрт* не предпочтена в употреблении в олонхо, кроется в проявлении национальной специфики способа мышления древнего якута. Все представления связаны не столько с сознанием, сколько с подсознанием. Как отмечает Л.Н. Пушкарев «мышление – это познание мира, а менталитет – это манера мышления, его склад, его особенности, его своеобразие» [25, с. 159]. А.Г. Новиков дает следующее определение: «есть нечто очень важное, которому подчинены и образ мысли, и характерный этнос уклад жизни. И эта независимая субстанция, составляющая дух народа, носит понятие «менталитета»» [26, с. 147]. Принципами, которыми руководствовались древние якуты, можно назвать следующие: главная мировоззренческая особенность народа – одухотворение природы; представление о том, что человек не хозяин её, а лишь часть; почитание и стремление к милости и покровительству богов и добрых духов; понимание и принятие величия и могущества мироздания, основанной на священной *түөрт*, отрицание и невозможность равенства с ним; характерность в стиле мышления интуиции, и вытекающей отсюда стремления не трогать, не беспокоить, а предпочтения обходить властного над временем и пространством – холодного, сурового, но справедливого *түөрт*,

вызванного целью самосохранения и самозащиты – все это диктовало традиции осторожного отношения к данному числительному. Анализ дает основание понять, почему в олонхо, “неравнодушному” к числу [27, с. 78], и насыщенной космогоническими представлениями, числительное *түөрт* по частоте употребления занимает лишь седьмую позицию, уступив числительным ус ‘три’; *тобус* ‘девять’; *абыс* ‘восемь’; *икки* ‘два’; *сэттэ* ‘семь’; *биир*, *собоотох*, *агардас* ‘один’, в силу вышеперечисленных соображений, сознательно перекрываемаемая потенциалом других числительных.

Принято считать, что религиозный обряд и мифы тесно связаны между собой. Обряд составляет как бы инсценировку мифа [9, с. 134]. Проведенный анализ числа *түөрт* дает обоснование полагать, что именно верность космологическим представлениям, и в связи с этим, логически здравый учет этимологии данного числа, отражающий кодированную космологическую структуру, послужили далее мотивацией появления древних обрядов и ритуалов якутов. Основываясь на концепции слова – мифа (А.А. Потебня), организма и ритуала (М. Маковский), попытаемся увидеть за оболочкой числительного *түөрт* – культурный концепт, отражающий национальную специфику понятия данного числа. Логическое свойство числа *түөрт* лежит в основе философии народа, объясняя традицию осторожного, бережного обращения. Ниже приведем несколько примеров. У якутов существовало понятие *сах ардэхэ* ‘когда мы были якутами’. В полевых материалах Г.В. Ксенофонтова содержится следующее определение этого понятия: «так говорят старые люди о том времени, когда якуты не изменили веру предков, точно так же, когда хотят пригласить шамана, иногда употребляют выражение – *сахатыйаары гынныбыт* ‘хотим объякутиться’. Речь идет о традиционном сознании (менталитете) – системе мировоззрения, передающейся в процессе социализации, включающей в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах» [28, с. 5]. Так, в соответствии с древними традициями, в погребально-поминальных ритуалах якуты хоронили умерших через три дня после смерти (по материалам исследователей 19 века). Если по той, или иной причине не удавалось погребение в срок, то обряд переносили на пятый день, минуя четвертый. Отношение к данному числу отражены в представлениях якутов, связанные с традицией манеры поведения роженицы, оставлением душой тела человека – процессом, длящихся ровно сорок дней. В представлениях свадебного обряда в сорок лет древние якуты исключали торжество *уруу* ‘свадьба’, если же обстоятельства вынуждали быть вместе, то жили в одном доме только в качестве *дьюкаах* ‘сосед’, до исполнения 41-го возраста. Далее, в соответствии с родильными древними обрядами, при рождении в семье четвертого ребенка разводили очаг, делали обряд угощения духу огня и произносили алгыс

(благопожелание), где упоминали, что родился пятый ребенок, а четвертый воспитывается далеко от дома, с целью отвлечь внимание и таким образом запутать *абааһы* ‘злой дух’. В представлениях промысловых обрядов охота на сорокового медведя профессиональным охотником *эсэһит* ‘охотник на медведя’ сопровождалась еще четырьмя участниками, чтобы общее количество составляло пять человек. Обряд связан с поверьем о неизбежности гибели охотника при встрече с сороковым медведем. В национальной архитектуре древних якутов при построении жилища возводили *тулааһын мабана* ‘опорный столб’ в середине дома, тоже отражающий поклонение величеству числительного *түөрт*. В ритуале хозяйственных построек якуты не ставили сорок столбов забора, обязательно сооружали 39 или 41 столбов. В ритуале сенокосных работ при уборке сена с сенокосного поля *ходуһа* не выходили, ставив сорок копен, сороковой разделяли на две части, чтобы общий подсчет составлял 41. Таким образом, у якутов тип отношения к действительности и хозяйственной культуре сформировались на основе сакральности числительного *түөрт*, выступая регулятором их поведения.

Основоположник якутской литературы А.Е. Кулаковский высказал интригующую фразу о том, что якуты владеют древним языком, который намного сложнее и обширнее языка небольшой народности. Языковеды, изучающие древние языки, считают, что архаичный язык может сохраниться только в полюсе недоступности. Безусловно, якуты сохранили в текстах олонхо древнюю мудрость. «Мудрость – коллективный опыт человечества, степень познаваемости тайн и загадок жизненной среды, уровень осознания всеобщего кругооборота. В этот видимо-невидимый сплав входит и целый каскад космогонических знаний вселенского бытия. В обыденном сознании мудрость ассоциируется с наследиями древних учений. Без сравнительных параллелей типологически близких феноменов невозможно понять истинную суть родной культуры» – писал профессор К.Д. Уткин [29, с. 192]. Анализ числительных в олонхо только на употребительном, функциональном уровне недостаточен. Ведь числительные, прежде всего, представляют большой интерес как особый пласт, хранящие связь с представлениями о мире и мироздании. Предлагаемый в статье анализ структуры через призму интерпретации причины сакрализации приближает к «чистой» сущности исследуемого числительного *түөрт*, фиксируя содержание, входящее к древним воззрениям и других народов. Данный подход может служить основанием для приоткрытия более глубоких напластованных первопричинных связей воззрений народа, осмысления языка олонхо – духовного космоса якутского народа, под новым углом научного познания, расширения границ для понимания своеобразия народной психологии, национальной специфики, постижения общего и особенного в духовной культуре разных народов.

Библиографический список

1. Леви-Строс К. *Первобытное мышление*. Перевод, вступительная статья и примечания А.Б. Островского. Москва: Республика, 1994.
2. Островский А.Б. *Этнологический структурализм Клода Леви-Строса. Первобытное мышление*. М: Республика, 1994; Предисловие: 3 – 14.
3. Иванов В.В. *Избранные труды по семиотике и истории культуры. Знаковые системы. Кино, Поэтика*. В 3-х томах. Москва: Школа “Языки русской культуры”, 1998; Т. 1.
4. Мелетинский Е.М. *Поэтика мифа*. Москва: Восточная литература. РАН, 2000.
5. Потебня А.А. *Из записок по русской грамматике*. В 3-х томах. Москва: Просвещение, 1968; Т. 3.
6. Габышева Л.Л. *Семантические особенности слова в фольклорном тексте (на материале якутского олонхо)*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва, 1986.
7. Габышева Л.Л. *Функции числительных в мифопоэтическом тексте (на материале олонхо)*. Язык миф – культура народов Сибири. Якутск: Издательство ЯГУ, 1988: 78 – 93.
8. Кудияров А.В. *Хронотоп и художественное пространство народного эпоса. Фольклорное наследие Народов Сибири и Дальнего Востока*. Якутск, 1991: 23 – 66.
9. Избекова Е.И. *Числительные в олонхо: структура и семантика*. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014.
10. Леви-Строс К. *Структурная антропология*. Москва, ЭКСМО-пресс, 2001.
11. Успенский П.Д. *Символы Таро: старинная колода карт: философия оккультизма в рисунках и числах*. Москва, 1993.
12. Ольшевская Н. *Большая книга нумерологии*. Москва, 2011.
13. Институт философии, теологии, истории св. Фомы. *Аристотель. Метафизика 4 книга*. Москва, 2006.
14. Лейнер Х. *Символдрама. Кататимно-имагинативная психотерапия детей и подростков*. Москва: Эйдос, 1997.
15. Топоров В.Н. *О членивых моделях в архаичных текстах. Структура текста*. Москва, 1980: 3 – 58.
16. Кучукова З.А. *Онтологический метакод как ядро этнопоэтики*. Нальчик, 2005.
17. Галимзянов А. *Символика чисел у народов востока*. Статьи Айрата Галимзянова. Available at: <http://ayratgalim.narod.ru/stat/chisel.htm>
18. Федюнова Г.В. *Некоторые черты морфологии коми числительного. Местонаимения и числительные*. Сыктывкар: АН СССР, 1990: 27 – 31.
19. Шондуг Б. *Семантика числительных во фразеологии монгольского, русского и английского языков*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2006.
20. Игнаева Р.П. *Классификация имен числительных в марийском языке (проблемы статуса и функционирования)*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Йошкар-Ола, 1999.
21. Леви-Строс К. *Структурная антропология*, 1958.
22. Леви-Строс К. *Тотемизм сегодня*, 1962.
23. Барт Р. *Мифологии*. Москва, Академический проект, 2014.

24. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2003.
25. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки. Отечественная история. Москва, 1995; 3: 158 – 166.
26. Новиков А.Г. О менталитете саха. Якутск: Издательство Аналитического центра, 1996.
27. Хроленко А.Т. «...И жар холодных чисел...». Русская речь. 1975; 4: 38 – 42.
28. Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса (на материале традиций саха). Новосибирск: Наука РАН, 2005.
29. Уткин К.Д. Якутская мудрость в свете древних учений востока. Сборник трудов в 16 кн. Книга 10-я. Якутск: Бичик, 2014.

References

1. Levi-Stros K. *Pervobytnoe myshlenie*. Perevod, vstupil'nyaya stat'ya i primechaniya A.B. Ostrovskogo. Moskva: Respublika, 1994.
2. Ostrovskij A.B. *Etnologicheskij strukturalizm Kloda Levi-Strosa. Pervobytnoe myshlenie*. M: Respublika, 1994; Predislovie: 3 – 14.
3. Ivanov V.V. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Znakovye sistemy. Kino, Po`etika*. V 3-h tomah. Moskva: Shkola "Yazyki ruskoj kul'tury", 1998; T. 1.
4. Meletinskij E.M. *Po`etika mifa*. Moskva: Vostochnaya literatura. RAN, 2000.
5. Potebnya A.A. *Iz zapisok po ruskoj grammatike*. V 3-h tomah. Moskva: Prosveschenie, 1968; T. 3.
6. Gabysheva L.L. *Semanticheskie osobennosti slova v fol'klornom tekste (na materiale yakutskogo olonho)*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 1986.
7. Gabysheva L.L. *Funkcii chislitel'nyh v mifopo`eticheskom tekste (na materiale olonho)*. Yazyk mif – kul'tura narodov Sibiri. Yakutsk: Izdatel'stvo YaGU, 1988: 78 – 93.
8. Kudiyarov A.V. *Hronotop i hudozhestvennoe prostranstvo narodnogo `eposa. Fol'klornoe nasledie Narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Yakutsk, 1991: 23 – 66.
9. Izbekova E.I. *Chislitel'nye v olonho: struktura i semantika*. Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2014.
10. Levi-Stros K. *Struktumaya antropologiya*. Moskva, `EKSMO-press, 2001.
11. Uspenskij P.D. *Simvolny Taro: starinnaya koloda kart: filosofiya okkul'tizma v risunkah i chislah*. Moskva, 1993.
12. Ol'shevskaya N. *Bol'shaya kniga numerologii*. Moskva, 2011.
13. Institut filosofii, teologii, istorii sv.Fomy. *Aristotel'. Metafizika 4 kniga*. Moskva, 2006.
14. Lejner H. *Simvoldrama. Katatimno-imaginativnaya psihoterapiya detej i podrostkov*. Moskva: `Ejdos, 1997.
15. Toporov V.N. *O chislovyh modelyah v arhaichnyh tekstah. Struktura teksta*. Moskva, 1980: 3 – 58.
16. Kuchukova Z.A. *Ontologicheskij metod kak yadro `etnopo`etiki*. Nal'chik, 2005.
17. Galimzyanov A. *Simvolika chisel u narodov vostoka*. Stat'i Ajrata Galimzyanova. Available at: <http://ayratgalim.narod.ru/stat/chisel.htm>
18. Fedyunina G.V. *Nekotorye cherty morfologii komi chislitel'nogo. Mestoimeniya i chislitel'nye*. Syktyvkar: AN SSSR, 1990: 27 – 31.
19. Shondug B. *Semantika chislitel'nyh vo frazeologii mongol'skogo, russkogo i anglijskogo yazykov*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2006.
20. Ignaeva R.P. *Klassifikaciya imen chislitel'nyh v marijskom yazyke (problemy statusa i funkcionirovaniya)*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Jshkar-Ola, 1999.
21. Levi-Stros K. *Struktumaya antropologiya*, 1958.
22. Levi-Stros K. *Totemizizm segodnya*, 1962.
23. Bart R. *Mifologii*. Moskva, Akademicheskij proekt, 2014.
24. Bart R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury*. Moskva: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh, 2003.
25. Pushkarev L.N. *Chto takoe mentalitet? Istoriograficheskie zametki. Otechestvennaya istoriya*. Moskva, 1995; 3: 158 – 166.
26. Novikov A.G. *O mentalitete saha*. Yakutsk: Izdatel'stvo Analiticheskogo centra, 1996.
27. Hrolenko A.T. «...I zhar holodnyh chisel...». *Russkaya rech'*. 1975; 4: 38 – 42.
28. Bravina R.I. *Konceptiya zhizni i smerti v kul'ture `etnosa (na materiale tradicij saha)*. Novosibirsk: Nauka RAN, 2005.
29. Utkin K.D. *Yakutskaya mudrost' v svete drevnih uchenij vostoka*. Sbornik trudov v 16 kn. Книга 10-я. Якутск: Бичик, 2014.

Статья поступила в редакцию 22.03.17

УДК 81-25

Ulianova N.N., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Novosibirsk Military Academy n.a. I.K. Yakovlev (Novosibirsk, Russia), E-mail: natascha297@mail.ru

Pankina E.V., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Novosibirsk Military Academy n.a. I.K. Yakovlev (Novosibirsk, Russia), E-mail: golobovaev@mail.ru

AGE DIFFERENTIATION OF SUBSTANDARD LEXIS FUNCTIONING IN THE GERMAN DISCOURSE THROUGH THE PRAGMATIC ASPECT. The article deals with a problem of age differentiation of lexis functioning in the German fiction and publicistic discourse on the ground of pragmatic resources of the phenomenon under discussion. The question under review is that the age of the speakers is of vital importance, when defining pragmatic aspects of substandard lexis features due to the fact that the colloquial language is taken by different generations by different means and through different condition. It influences the quality of speech. Taking into account the analysis of the material it is possible to infer that both emotionally neutral and expressively marked substandard lexis is used in two mentioned types of discourse, but with different degree of substandardisation due to the influence of the communicative and pragmatic standard.

Key words: substandard lexis, discourse, slang, language standard, fiction, publicistic genre.

Н.Н. Ульянова, канд. филол. наук, доц. Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, E-mail: natascha297@mail.ru

Е.В. Панькина, канд. филол. наук, доц. Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, E-mail: golobovaev@mail.ru

ВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В НЕМЕЦКОМ ДИСКУРСЕ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье раскрывается проблема возрастной дифференциации функционирования сниженных лексических единиц в немецком художественном и публицистическом дискурсах на основе выявления прагматического потенциала исследуемого феномена. Изучаемый вопрос, а именно возраст коммуникантов играет не маловажную роль при определении прагматических особенностей актуализации сниженной лексики, поскольку разговорная речь усваивается разными поколениями через разные формы, в разных условиях, и это проявляется в качестве речи. Анализ фактического материала позволил сделать вывод об употреблении как эмотивно нейтральной, так и экспрессивно-маркированной сниженной лексики в обоих дискурсах, но с различной степенью сниженности, что обусловлено коммуникативно-прагматической нормой.

Ключевые слова: сниженная лексика, дискурс, сленг, языковая норма, художественный и публицистический жанр.